

УДК 94(47): 355[511.44:16]

КОННЫЙ ПАРАД В РУССКОЙ ИМПЕРСКОЙ КУЛЬТУРЕ.

АЛЕКСАНДР I И НИКОЛАЙ I

Шапиро Б.Л.

Развитие русской имперской культуры в первой половине XIX столетия было ориентировано на внешнюю, формальную сторону. Пространством для ее главного воплощения избран отвлеченный, оторванный от конкретных реалий концепт парада-балета. Боевая подготовка имела лишь второстепенное значение, итогом чего стала стагнация русского военного искусства, более чем заметная к середине XIX столетия. Материалом для анализа вопроса послужили источники личного происхождения: мемуары, письма, дневники, а также военно-административные документы и иппологическая литература.

Ключевые слова: Российская империя, Романовы, Александр I, Николай I, парад, кавалерия.

HORSE PARADE IN RUSSIAN IMPERIAL CULTURE.

ALEXANDER I AND NICHOLAS I

Shapiro B.L.

The development of Russian imperial culture in the first half of the 19th century focused on its external, formal side. The space for its main embodiment has chosen the parade-ballet concept, which was distracted and detached from concrete realities. Updating of combat training was only of secondary importance, the result of which was a stagnation of Russian military art, very visible in the middle of the 19th century. The material for analysing the problem was primary sources: memoirs, letters, diaries, military administrative documents and hippological literature.

Keywords: Russian Empire, Romanovs, Alexander I, Nicholas I, parade, cavalry.

В последние годы XVIII в. были определены те основы, на которых национальное кавалерийское искусство развивалось в начале XIX столетия.

«Школа» была успешно перенесена в армию. Главной формой отчетности, еще со времен Павла I, здесь был плац-парад, но на рубеже XVIII – XIX вв. он впервые стал объектом неотрывного внимания не капрала, а монарха [2, с. 182], открывая новую эпоху в истории русской имперской культуры.

Одержимость Павла I парадом передалась и его сыновьям. Вахт-парады, начавшиеся уже со следующего для восшествия на престол Александра I, в его царствование проводились ежедневно, без исключения для праздничных или военных дней. Новый император самолично вникал в «науку фрунта» и мундира [14, с. 193; 24, с. 274]. Несмотря на слова, сказанные им в начале царствования: «все будет, как при бабушке... по законам и по сердцу бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великой» [7, с. 34], именно теперь фрунтomanия «восторжествовала окончательно и стала господствовать безраздельно, с течением времени все больше приближаясь к идеалу, начертанному императором Павлом и даже во многом превосходя его» [3, с. 191].

Муштра и шагистика горячо поддерживалась в военной среде: «Что сказать нам, генералам дивизий, когда фельдмаршал свою высокую фигуру нагибает до земли, чтобы равнять носки гренадер», – с горечью вопрошал И.Ф. Паскевич о М.Б. Барклае де Толли [20, с. 27]. «Удивительно ли, – продолжал военачальник и военный историк А.А. Свечин, – что при ничтожных средствах для обучения, при отсутствии казарм, хороших стрельбищ, учебников, внимания к тактической подготовке, малограмотном командном составе, все усилия сосредоточились на парадной стороне дела?» [20, с. 28].

В александровской философии парада его величественность означала совершенство подготовки армии, ее слаженность и жесткую дисциплину, которая позволяла достичь желаемого. Из последних русских парадов военных лет наиболее примечательны парад 29 марта 1814 г. на площади Согласия в Париже, 19 апреля того же года на Марсовом поле, 22 апреля на площади Карусель в присутствии нового короля Людовика XVIII, и 18 мая на Марсовом поле перед выходом русских войск из Парижа. На обратном пути русские

войска прошли парадом 12 июня в местечке Энтинген в присутствии императрицы и 1 июля в городе Наумбурге в присутствии Великой княгини Марии Павловны [27, с. 47]. Укреплению русской парадомании способствовало окончание многолетнего противостояния Александра I и Наполеона Бонапарта: в мирное время ничто не мешало увлечению внешней формой военной культуры, а не ее содержанием.

Зримым воплощением военного триумфа «первой в свете», по словам Александра I [10, с. 28], армии стал парад при Вертю, проведенный в последние дни августа 1815 г. (репетиция, которой командовал император, прошла 26 августа, в годовщину Бородинского сражения; парад состоялся 29 августа). Аналогичного по размаху не встречалось не только во всем XIX в., но и во всей мировой истории парада [23, с. 17].

На необозримой равнине у горы Монт-Эме в Шампани собралось свыше 150 тысяч участников, не считая гостей и обслуживающий персонал: победоносная русская армия презентовала себя союзным монархам и европейским военачальникам. Для маневра было собрано 132 батальона пехоты, 168 эскадронов кавалерии (около 29 тысяч человек), 35 рот пешей и 10 рот конной артиллерии. В строю находилось 87 генералов, более 4 тысяч офицеров (433 штаб-офицеров и 3980 обер-офицеров) и свыше 146 тысяч нижних чинов при 540 орудиях. Конница находилась в составе 2-й и 3-й кирасирских дивизий, 2-й драгунской дивизии, 2-й и 3-й гусарских дивизий, 2-й и 3-й уланских дивизий, итого: 28 875 человек, в т.ч. 23 генерала и 86 штаб-офицеров. Русская армия расположилась на протяжении нескольких километров; парад длился более шести часов [10, с. 7, 27-29, 78-79].

По воспоминаниям участников и очевидцев, «точность, с которой выполнялись приемы и построения, опрятность и щеголеватость одежды, блеск оружия были поразительны и превзошли самые смелые ожидания» [23, с. 17]. По мнению Александра I, день парада у Вертю «был прекраснейшим днем [в его – *Б.Ш.*] жизни» [10, с. 28]. «Я вижу, что моя армия первая в свете, –

утверждал император, – для нее нет ничего невозможного, и по самому наружному ее виду никакие войска не могут с нею сравняться» [10, с. 28].

Царствование Николая I принесло русской военной культуре новую эру триумфов, отмеченную еще более помпезными военизированными зрелищами. Первым среди самых грандиозных был парад по случаю разгрома польского восстания 1830-1831 гг.; далее последовала череда парадов, сопровождавших открытие Александрийской колонны (1834), свидание Николая I с австрийским императором и прусским королем в Калише (1835), 25-я годовщина войны с Наполеоном в Вознесенске (1837) и открытие монумента на Бородинском поле (1839). «С тех пор, как в России существуют регулярные войска, и, полагаю, с тех пор, как вообще существуют в мире солдаты, никогда не было видано что-нибудь более прекрасное, совершенное, могучее, – размышлял Николай I. – ... Все иностранцы не знают, что и сказать – это был действительно идеал» [20 с. 27].

Среди всей гвардейской кавалерии – главного участника парадов – особо выделялся первый по старшинству Конный полк, любимец императоров: «моя старуха Конная гвардия», – говаривал Николай I [27, с. 169]. Он представлял собой образец для всей кавалерии в отношении «наружного блеска», который поддерживался сильным тяготением некоторой части аристократии к английской культуре [26].

Если англомания проявлялась, прежде всего, на частном уровне [9, с. 83-84; 13, с. 29; 14, с. 132], то официальное оформление русской военной культуры в целом было ориентировано на французский стиль, в подражание Наполеону Бонапарту, превратившему, по словам известного исследователя русской придворной культуры Р.С. Уортмана, свою армию в эстетический объект. «Все на французский образец: шитье у генералов, эполеты и офицеров, портупея вместо пояса у солдат, музыка на французский лад, марши французские, ученье французское», – так описывал военный Петербург 1808 г. французский посланник А. Коленкур [24, с. 275].

Внешний блеск сделал военного образцом стиля: известно, что в глазах обывателей «дней Александровых» любая униформа имела приоритет перед партикулярной одеждой, а военный мундир был наиболее привлекательной ее разновидностью [4, с. 499]. Престиж мундира поддерживался представлением о военной, прежде всего, гвардейской, среде как об элитарной части дворянства. «Офицеры гвардии состоят из всего, что есть наизнатнейшего и богатейшего в России среди высшего дворянства», – констатировал шеф Рязских мушкетеров генерал-лейтенант Александр Ланжерон [16, с. 258].

Для Российской империи был характерен особый эстетический характер воинских церемоний, когда «плац-парад демонстрировал не просто военную силу, но также цивилизованный вкус и культуру» [24, с. 280]. Эта эстетичность наилучшим образом сочеталась с характерным для Великих Князей Павловичей пониманием армии, которое обозначало ее высшее предназначение не столько для боя, сколько для парада. «Атакующий фронт должен идти на неприятеля сколь можно осанисто... ибо от сего наиболее зависит успех в атаке», – подчеркивалось в «Воинском уставе о кавалерийской строевой службе» (1823) [18, с. 340]. Зрелищность оказалась основой военного дела; явное предпочтение показной его стороны дало знаменитые «плывущие стены» и «александровские колонны» [11, с. 186; 12, с. 12].

В гвардейской кавалерии внешняя «краса полка» поддерживалась указанием «чтобы полки имели наилучших и статных лошадей» [11, с. 211]. Была сформулирована сумма требований к экстерьеру парадной лошади: «парадная лошадь также может быть выбираема из облагороженного класса; поелику с именем сей лошади соединено бывает наименование какого-либо важного случая, например, предводительство полка, эскадрона и других достопамятных происшествий, то само по себе явствует, что такая лошадь должна иметь возможнейшее прекрасное образование и быть способной к благородно гордым позициям, если у нее недостает некоторых необходимых для офицерской лошади качеств, то сии недостатки не так легко примечаются у парадной лошади, если только вид ее весьма приятен; если прекрасная шерсть,

густая грива и прекрасный хвост пленяют глаза, если возвышенный акт ног сходствует с понятием о такой лошади. Подбарабанная лошадь должна быть велика, хорошо образована, полномочна и притом смирна. Поелику она употребляется только при полковых парадах и других великолепных случаях, то и должна непременно иметь особенную легкость в движениях» [15, с. 317-318]. Эти рассуждения были зафиксированы И.Г. Науманом в главе «О избирании лошадей в рассуждении различного их предназначения» его «Руководства к познанию наружности лошадей» (1814).

В 1819 г. повальное увлечение красотой, единообразием и качеством кавалерийского строя было подкреплено личным указом императора. Отныне тяжелая кавалерия, предназначенная для сильного удара и натиска, должна была иметь лошадей больших, а, следовательно, заводских. Для «красы полка» официально вводятся казенные офицерские лошади стоимостью от 600-700 р. [25, с. 166-167].

В гвардию чаще прочих поставлялись английские чистокровные лошади; К началу Отечественной войны 1812 г. преимущества, которые предлагала английская чистокровная лошадь для тяжелой кавалерии, были хорошо известны. Порода имела почитателей и в «большом» свете; ее известными поклонниками были Великие Князья Павловичи. В большой моде были лошади англизированные (энглизированные), улучшенные прилитием английской чистокровной (в быту понятия «английская» и «англизированная» часто смешивались); были популярны изящные англо-арабские лошади. С 1822 г. на английских или англизированных лошадей пересела почти вся российская гвардейская, а затем и армейская кавалерия [11, с. 181]. Так английская лошадь стала живым символом русского имперского парада первой половины XIX в. Но на этом процесс символизации завершен не был.

С 1823 г. одношерстный конский состав, введенный в гвардии, распространяется и на армейскую кавалерию [11, с. 182]. Конная гвардия, как и при своем основании, получила вороных лошадей. Кавалергардия была посажена на коней с разделением по эскадронам (первый – на светло-гнедых

без отметин, второй – на гнедых с отметинами, третий – на гнедых без отметин, четвертый – на темно-гнедых без отметин. Кони лейб-кирасир Его Императорского Величества распределялись по эскадронам в таком порядке: в первый – караковые, вороные – во второй, караковые лысые (с белым пятном-лысиной на лбу) [22, стб. 1337] и белоногие – в третий, караковые, гнедые и бурые – в четвертый; лейб-кирасир Ее Величества: в первый – золотисто-рыжие, во второй – рыжие белоногие, в третий – рыжие со звездами, в четвертый – темно-рыжие и бурые. Лейб-казакам Его Величества полагались гнедые кони. [6, с. 30, 42, 50, 60, 72]. Лейб-драгунский полк, сформированный из георгиевских кавалеров, был на серых конях, подходящих к цвету ордена [19, с. 27].

В стремлении к единообразию полки укомплектовывались личным составом одного типа внешности: кавалергарды – безбородыми блондинами, серо- или голубоглазыми; конная гвардия – брюнетами с маленькими усами (в четвертом эскадроне носили бороды); лейб-кирасиры Его Императорского Величества – рыжими длинноносими, Ее Величества – смуглыми брюнетами. Лейб-казаки Его Величества набирались из бородатых широкоплечих шатенов и брюнетов, и т.д. [6, с. 30, 42, 50, 60, 72]. Обязательным требованием для нижних чинов большинства полков гвардейской кавалерии был достаточный рост. В итоге «все блистало красотой и выправкой: люди, лошади, обмундировка, сбруя, все казалось вылитым по одному образцу» [24, с. 407-408].

Единообразие становится в очередной раз переосмысленной ценностью имперской военной культуры, символизирующей единство Романовых и армии. «Мои однокорытники», – подчеркивал император Николай I эту связь [21, с. 207]. Не случайно памятник монарху, установленный его преемником (работы велись в 1856-1859 гг.), изображал императора в конногвардейском мундире. Так правящий дом и вооруженные силы, взятые вместе, олицетворяли нацию [24, с. 405, 409]. Ставка была сделана не только на армию, но на народ в целом. В новых условиях парадный мундир и парадная лошадь приобретают во много

раз большее значение, нежели их строевые аналоги. «В этих мундирах я всегда в мире с самим собой», – утверждал Николай I [24, с. 409].

В отдельных случаях предпочтение парадной культуры доводится до абсурда. Так один из корпусных командиров «связывал успех парадов с надлежащей пригонкой киверов к солдатским головам; поэтому он требовал изучения ротными командирами антропологии, так как начальник, не сведущий в круглых и удлинённых формах человеческого черепа, не сумеет надлежащим образом пригнать кивера и провалится на параде» [20, с. 27]. Доходило до того, что «русские солдаты не завинчивали до конца ни одной гайки на своих ружьях: с разболтанными шурупами команда "к ноге" выполнялась особенно гулко и красиво» [17, с. 150].

Логичным продолжением такой парадной концепции стало преимущественное развитие манежной, а не боевой кавалерийской подготовки [5, с. 31]. Это прямо подтверждается содержанием уставов того времени, переполненных множеством мелочных подробностей; в них не было почти ничего, непосредственно относящегося к боевой подготовке. Неотъемлемым инструментом муштровки – и ее символом – стал метроном Бреге. [16, с. 279].

Были введены короткие аллюры [11, с. 286] (короткий галоп и собранная рысь, которые, по словам генерала С.Б. Броневского, дошли до того, что «добрая пехота могла обогнать галопирующую кавалерию»), а также эффектный, но неудобный в походе «крутой» сбор [5, с. 36]. Армейские маневры превратились в близкое к парадированию действие, где требовался внешний блеск, совершенство формы, линий, а более ничего. «Война только портит солдата», – заключал великий князь Михаил Павлович [8, с. 121]. В некоторых внешне блестящих полках боевая подготовка начиналась только на театре войны. Фронтальная муштра подчинила себе другие виды боевой подготовки [1, с. 141-146], от которых зависела боеспособность армии.

Так павловские идеи, которые первоначально способствовали развитию русской кавалерии, в эпоху Александра I и Николая I – привели к ее стагнации. Но сложившиеся в то время традиции парадирования значительно обогатили

предметно-смысловое пространство русской военной и шире – имперской культуры.

Список литературы:

1. Агеев В.В. Особенности формирования кадрового состава русской армии в эпоху «плац-парада» (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Военного университета. 2011. № 4 (27). С. 141-146.
2. Аурова Н.Н. От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2010. 464 с.
3. Баиов А.К. Курс истории русского военного искусства. Т. 7. Эпоха императора Александра I. СПб.: Тип. Скачкова, 1913. 481 с.
4. Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 640 с.
5. Витт де Л.В. Конница: Вооружение и владение оружием. М.: Либроком, 2011. 240 с.
6. Горохов Ж. Русская императорская гвардия. М.: Рейтар, 2006. 400 с.
7. Демкин А.В. «Дней Александровых прекрасное начало...»: внутренняя политика Александра I в 1801-1805 гг. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.
8. Дубельт Л.В. Вера без добрых дел мертвая вещь / Заметки и дневники Л.В. Дубельта // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. Т. VI. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. С. 111-142.
9. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853 гг. М.: Наука, 1982. 320 с.
10. Забытый парад русской армии: Вертю. 1815. М.: Кучково поле, 2015. 256 с.
11. Иванов П.А. Обзор состава и устройства регулярной русской кавалерии. СПб.: Тип. Н. Тиблена, 1864. 317; 28 с.

12. Керсновский А.А. История русской армии. Т. 2. От взятия Парижа до покорения Средней Азии 1814-1881 гг. М.: Голос, 1993. 336 с.
13. Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб.: Дм. Буланин, 2005. 528 с.
14. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства. СПб.: Искусство-СПб, 1994. 398 с.
15. Науман И.Г. Руководство к познанию наружности лошадей. М.: Тип. Н.С. Всеволожского, 1814. 332 с.
16. Незвецкий Р.Ф. Лейб-гвардия императорской России (1700-1918 гг.). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 570 с.
17. Нестеров Ф.Ф. Связь времен: опыт исторической публицистики. М.: Молодая гвардия, 1984. 239 с.
18. Никольский В.П. Состояние русской армии к концу царствования Александра I // История русской армии. Т. 2. История русской армии, 1812-1864 гг. СПб.: Полигон, 2003. С. 306-373.
19. Поливанов А.Н. Из прошлого русской армии и флота // Военная быль. 1955. № 14. С. 26-27.
20. Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.; Л.: Военгиз, 1928. 620 с.
21. Слова, сказанные Николаем I при выпуске кадет в офицеры в 1847 году // Русская старина. 1895. Т. 83. Май. С. 207.
22. Соколов П.И. Общий церковно-славяно-русский словарь. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской российской академии, 1834. 1692 стб.
23. Солодков Ю.Н. Смотр российских войск под Вертью 26 и 29 августа 1815 года // Военная быль. 1973. № 121. С. 16-17.
24. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с.
25. Столетие военного министерства. 1801-1902. Т. 13. Кн. 1. Вып. 1. Управление генерал-инспектора кавалерии. О ремонтировании кавалерии. СПб.: Тип. М.О. Вольф, 1906. 336 с.

26. Шапиро Б.Л. Бытовая англоманья в конной гвардии первой трети XIX в.: А.Д. Чертков // Чертковский исторический сборник. Вып. 1. Образ и люди Российской империи. М.: ГПИБ, 2018. С. 56-72.

27. Штакельберг К.К. Полтора века конной гвардии. 1730-1880. СПб.: Тип. В. Демакова, 1881. 230 с.

Сведения об авторе:

Шапиро Бэлла Львовна – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

Data about the author:

Shapiro Bella Lvovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: b.shapiro@mail.ru.